

ОБРАЗ КНЯЗЯ ВИТОВТА В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ БЕЛОРУСОВ

ЮЛИЯ ГУРСКАЯ

Белорусский государственный педагогический университет

Имя собственное является особым языковым знаком, за внутренней формой которого стоит в свернутом виде семантическое пространство текста, текст может быть равен мифу. В традиционной народной культуре имена собственные образуют самостоятельный ономастический код, являясь каналом трансляции этнокультурной информации¹.

Целью настоящей статьи является реконструкция образа одной из наиболее ярких личностей Великого княжества Литовского – великого князя *Витовта* (1392–1430), репрезентирующего важнейший фрагмент белорусской наивной картины мира.

Объектом исследования послужили разные типы текстов белорусской народной культуры, аккумулирующие различные сведения о князе *Витовте*, извлеченные из словарей, архивных материалов, документов деловой письменности, сборников легенд и преданий, описаний, очерков*.

Методологической базой работы стали достижения в области ономастики, семантико-культурологического анализа, что позволило выявить концептуальные приоритеты общества при символическом отборе в процессе номинации, уходящем корнями, по-видимому, вглубь коллективного бессознательного.

В историю князь *Витовт* (Витаутас Кейстутович) вошел как талантливый государственный деятель и полководец, чья политика была направлена на усиление самостоятельности Великого княжества Литовского, которое в период его правления достигло наивысшей политической силы и международного авторитета. В современной белорусской историографии правление *Витовта* оценивается исключительно положительно. Осуществляемые под его руководством династические браки, ликвидация княжеских междоусобиц и угрозы агрессии со стороны соседних государств, реформы, привилегии городам и мещанам привели к стабильности в государстве, «при Витовте Беларусь легче вздохнула»². Существенно, что в периодизации белорусской

* В этот корпус текстов мы включаем также топонимы и микропонимы, содержащие имя *Витовт*, рассматривая его как свернутый национально-культурный текст.

истории белорусский историк и писатель В. Ластовский выделил смерть *Витовта* 27 октября 1430 года как знаковое событие, указывая, что с этого времени отдельная история Беларуси заканчивается³.

Имя *Витовта* входит в поле белорусской национальной идеи, что подтверждается и современными социолингвистическими исследованиями: как ключевое его назвали 17 % студентов-филологов в результате опроса, проведенного в 1994 году в Белгосуниверситете. По данным эксперимента Молодого Фронта 1998 года среди населения г. Минска, на вопрос «Кому вы бы поставили памятник на площади Независимости?» 6.1 % (7-я позиция) ответили *Витовту*⁴.

Как показывает материал, образ *Витовта* стремительно мифологизировался еще при жизни, вокруг его имени начинают складываться различные тексты, задуманные как оправдание внутренней и внешней политики князя («Летапіс вялікіх князёў літоўскіх», «Пахвала вялікаму князю Вітаўту» и др.)⁵.

Основы современной концептуализации личности великого князя *Витовта* были заложены, по-видимому, «Похвалой». Углубляет концептуализацию М. Гусовский в известной поэме «Песня пра зубра» (1522), рассматривая образ *Витовта* уже как национально окрашенный магически-мифический символ.

Образ легендарного князя нашел отражение в преданиях*, многочисленных топонимах и микропонимах на территории Беларуси, что свидетельствует о включенности этого имени в диалог культур. В одном из преданий «Витовт», записанном на Смоленщине⁶, рассказывается, как в Польше умер король-богатырь, который не оставил наследников. Его приближенные решили пустить королевского коня, чтобы он выбрал будущего короля. Конь шел по стране два месяца, наконец, подошел к старику и поклонился ему. Старик *вил обрывки* и поэтому его назвали *Витовт*. Он стал королем, правил долго и справедливо. Перед смертью *Витовт* завещал, что, если на страну нападут враги, его надо разбудить, он встанет и поможет. В слова короля не поверили и разбудили просто так, чтобы проверить завещание. Явившись с того света, *Витовт* разгневался и проклял тех, кто это сделал, осудил их «век вечный» бунтовать, и отсюда начались бунты в Польше.

Первая часть предания, как уже отмечалось, тесно связана с традиционными мифологическими представлениями о коне, который является вестником богов, символом королевской власти, благородства, мудрости, что имеет широкие параллели в индоевропейской мифологии⁷.

Как видно, в тексте предания имя князя *Витовта* мотивируется глаголом *вить*, связывая его с магическим действием – витьем веревки, что актуализирует семы ‘объединение’, ‘связь’, ‘мудрость’, ‘медиатор’ и позволяет провести параллель с мудрой политикой князя – отсутствием бунтов во вре-

* Под преданием мы понимаем «устное прозаическое повествование о реальных событиях или лицах прошлого <...>, вошедшее в традицию, и по содержанию близкое, по крайней мере, в основном, отображению жизненной реальности, т.е. без преобладания фантастики в художественном вымысле» (см.: Восточно-славянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии. Минск, 1993, с. 275).

мя его правления. Получая мотивировку по принципу народной этимологии, имя порождает текст.

По мнению И. Углика, образ *Витовта* в культурной памяти белорусов является олицетворением классического архетипа мудрого, святого старца, широко распространенного в белорусском фольклоре (*Бялун, Зюзя, св. Микола*). «Селянское» происхождение князя отвечает как характеру архетипа, так и свойственной для белорусской мифологии «заземленности» персонажей, низкому уровню сакрализации власти⁸.

Таким образом, развернутое в тексте мотивирующее суждение формирует текстовый концепт, обеспечивает его связность, развертывание в хронотопе, устанавливая новые связи в ментальном лексиконе носителей традиционной культуры.

Имя *Витовта* является высоко активным и как база для топонимической номинации. Топонимы, образованные от онима *Витовт*, встречаются в документах XVI–XVIII веков⁹. В структурно-семантическом отношении их можно разделить на две группы. Наиболее продуктивной является словообразовательная модель *имя_{Gen} + топообъект*, т.е. составной микротопоним, содержащий имя *Витовт* в функции определения-характеристики: *Витаў Мост, Витавы камяні, Витаўтава дарога* и др. Различительную функцию выполняет второй член композита, называющий знаковые для народной духовной культуры элементы рельефа – *гора, дорога, камень, лог, поле* и др. Вторую группу составляют «аллюзивные» микротопонимы, являющиеся свернутым преданием.

Например, в документах XVI–XVIII веков упоминаются урочище *Витовтовая Гора* около Троков (1605 г.)¹⁰; *Витолдов Брод* около села Лошевичи Бобруйской волости: „Łoszewicze sadziba w zascianku Lipnikach na placow nad błotem *Witoldowym brodem*”. Под 1627 год встречаются сведения о *Витовтовом (Витултовъ) дубе* недалеко от д. Прудины нынешнего Бешенковичского района: «...з Друцкое дороги у *Витултовъ дубъ*». Там же называется и *Витовтова Дорога*. Большой *Витовтов Мост* в 1629 году был известен на речке Цне недалеко от Минска: «от бывшего мосту на той речыце Цне, прозываемого *Великого Вителтово*»¹¹.

Топонимические предания, связанные с именем князя *Витовта*, приводят белорусские этнографы XIX века Е. Тышкевич, А. Киркор, П. Шпилевский. Согласно П. Шпилевскому, название местечка *Лошница*, которое лежит на пересечении дорог, ведущих, с одной стороны, в Борисов, Минск, Игумень, а с другой – в Оршу, Могилев и Витебск, местное предание возводит к концу XIV – началу XV веков, связывая с князем *Витом (Витоком)*, которому во время одного из его походов воины на вершукке горы устроили *ложе* (постель). В память об этом событии гору называли *Ложницей* (или *Витогорьем*), а ручей *Ложей*¹². По мнению исследователей, предание не противоречит историческим фактам: в 1395 году *Витовт* предпринял поход из Вильно в Оршу против Свидригайлы, совершить который он мог только через Борисовский уезд. В том же районе около д. Палялюм было урочище *Витов Лог*. На западной Смоленщине за 20 км ниже Велижа около Двины до сих пор сохранились названия

Витова Гора и *Витов Мост*¹³. Недалеко от д. Кляньник современного Смоленского района известно урочище *Витов Мост*.

Окрестности *Лошницы* также сохранили память о походе *Витовта*. Е. Тышкевич указывает, что около местечек Начи и Крупки Борисовского уезда (современный Крупский район) еще можно отыскать следы старой дороги, достаточно узкой, но глубоко выезженной, особенно в лесах, долинах, сенокосах, называемой в народе *Витовка*, или *Витова дорога*. По преданию, когда давно один воин, которого звали *Вит*, шел этой дорогой с войском. Обладая такой силой, что без посторонней помощи сам дороги прокладывал, болота забрасывал камнями, на реках строил мосты, ориентируясь по солнцу¹⁴. Следы *Витовой дороги*, по словам Е. Тышкевича, доходят до правой стороны реки Березины и теряются в ней. Участки *Витовтовой дороги* фиксируются около дд. Мурава и Калюжица Березинского района, недалеко от последней было и поле *Витовка*. Около таких дорог встречаются камни, называемые в народе *столами*, которые именуются *Витовыми* или *Баторовыми*¹⁵. Еще в конце XIX века около д. Воронец Полоцкого района Витебской области лежал камень с шестью отшлифованными углублениями, которые в народе называли *Витовтовыми Тарелками*. Другой камень находился на берегу реки Ушачи и имел два углубления, которые назывались *Витовтовыми Вилки*. Согласно преданию, на этих камнях обедал князь *Витовт*¹⁶. По мнению Г. Х. Татура, такие камни могли служить для жертвоприношений, которые по языческому обряду путешественники приносили божествам в известных определенных местах на пути¹⁷. *Альгердавы Шлях*, «который идет от Полоцка, через Рудни, реку Ушача, Медвежье озеро на Чортов Мост и, пройдя около Бахонковой Горы, теряется недалеко от современного города Глубокое», известен в народе также, как *Витавы Шлях*: по нему, значительно сократив путь, дважды прошел *Витовт*¹⁸.

Недалеко от деревни Массалаи (имение князя Л. Радзивила)* сохранился небольшой колодец, выложенный камнями, который в народе называют *Витавы колодезь*. Колодцы, связанные с историческими личностями, круглой или четырехугольной формы, имеют небольшие углубления, стенки внутри обложены камнем, а на дне их иногда и ныне просачивается вода¹⁹. Согласно преданию, колодец был выкопан для короля *Вита*, который останавливался в этом месте для обеда. Жители деревни Массалаи хранят предание, будто их предки подарили королю *Виту* и его войску несколько волов. В награду за гостеприимство король *Вит* дал им письмо (грамоту), по которому они возведены в звание вольных хлебопашцев; но потом, когда это письмо сгорело во время польского панства, они были обращены в подушных, т.е. крестьян²⁰. Такие колодцы в Беларуси считаются культовыми, вода в них наделяется чудодейственными целительными свойствами.

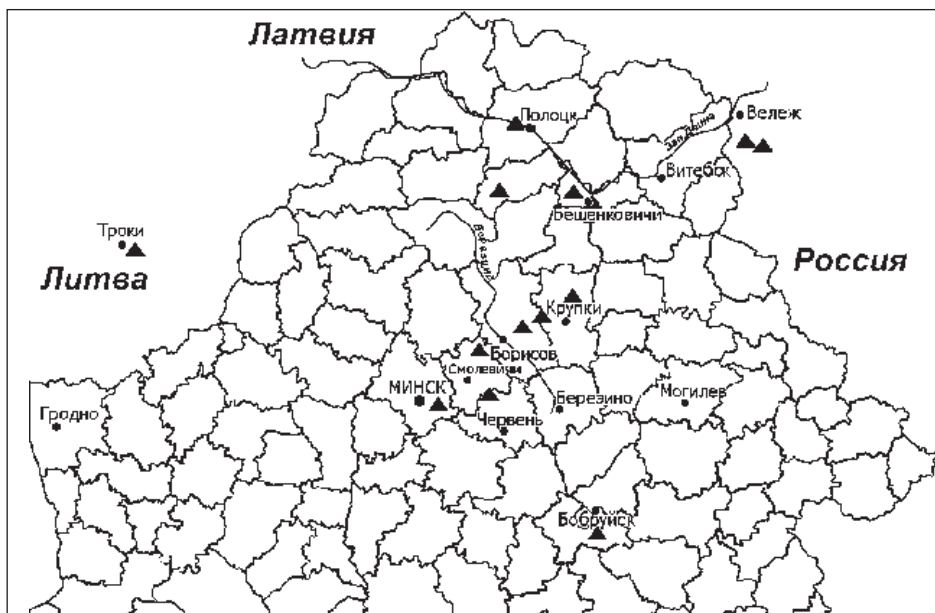
Согласно П. Шпилевскому, от Рованичской Слободы (современный Червенский район) заметны следы *Витовой дороги*. Рядом располагается деревня

* Речь идет, очевидно, о хуторе *Молосай* (бел. Маласаі), который находился в Лошницкой волости Борисовского уезда недалеко от местечка Нача (современный Крупский район). В настоящее время не существует.

Витовдутьы, или *Волдутьы*, лежащая между Рованической Слободой и Домовитском, недалеко от которой есть поляна с окопами и насыпями вроде могильных курганов, которую народ называет *Шведовым полем*²¹.

На Днепре зафиксирована и *Łaźnia-Witoldowa*²². Известны также *Витовы Гати* и *Витовтовы Броды**. Название *Витовт* носит также урочище, где размещалась стоянка каменного века²³.

Таким образом, по количеству упоминаний в топонимии князь *Витовт* занимает первое место среди легендарных личностей белорусской истории (см. карту распространения топонимов).

Карта распространения микротопонимов, мотивированных именем собственным *Витовт*

Как показывает материал, в белорусской народной культуре князь *Витовт* выступает типично мифологическим персонажем, обладает чертами демиурга, мифического первопредка, наделяется медиативной функцией посредника, символизирующего переход от старого к новому (времени, пространству).

Предания о *Витовте*, актуализирующие семы 'огромный рост', 'сила', 'строитель', соотносятся с распространенным в белорусском фольклоре мотивом о великанах-вологах, которые во время опасности выйдут из гор и будут защищать Беларусь.

Имя собственное *Витовт* в белорусских преданиях часто передается формой *Vum*, являющейся, по-видимому, пересечением двух антропонимических рядов: балтийского антропонима *Vytautas* и славянского онима *Vum*. Последний

* Местонахождение топонимов *Łaźnia-Witoldowa*, *Витовы Гати* и *Витовтовы Броды* установить не удалось.

зафиксирован, например, в древнечешском языке, в современной орфографии имеет форму *Vít* (ср. типологически сходные древние сложные антропонимы *Svanto-Vít*, *Hosti-Vít*)*²⁴. При этом происходит не только слияние двух онимов в одну единицу, но и контаминация образов на уровне поэтического сознания. На пересечение «своего» и «чужого» может накладываться ассоциативный фон имени, бытующий в культурной среде языка-реципиента, что усложняет коннотации антропонима и вводит его в ряд ключевых имен заимствующей культуры.

Создание разных типов текстов (публицистических, поэтических, национально-ориентированных), связанных с образом легендарного князя, продолжается в белорусской культуре до настоящего времени. Имя *Витовта* осваивается поэтами, писателями, историками, публицистами на уровне когнитивного и художественного сознания (В. Ластовский, В. Чаропка, М. Ермолович, А. Дударев и др.).

Таким образом, можно утверждать, что имя-образ *Витовт* в белорусской культуре образует сложный знаковый комплекс, функционирует как свернутый диахронический национально-культурный макротекст, являясь как бы мостом между двумя культурами.

¹ Н. И. Толстой, С. М. Толстая. Имя в контексте народной культуры. – Язык о языке. Москва, 2000, с. 597.

² В. Ю. Ластоўскі. Кароткая гісторыя Беларусі. Вільня, 1910, с. 30; см. также: У. Прышляк. Гістарычная постаць Вітаўта ў сучаснай беларускай гістарыяграфіі і навукова-папулярнай літаратуры. – Гістарычны альманах, т. 8. Гародня, 2003.

³ В. Ю. Ластоўскі. Там же.

⁴ Т. Ваюшына. Вітаўт як магічна-міфічны сімвал моцнага ўладара. – Национально-культурный компонент в тексте и в языке: Материалы II Международной научной конференции 7–9 апреля 1999 г., в трех частях, ч. 1. Минск, 1999, с. 97.

⁵ В. Чамярыцкі. Сведкі нашай мінуўшчыны. – Беларускія летапісы і хронікі. Мінск, 1997, с. 63–65.

⁶ В. Н. Добровольский. Смоленский этнографический сборник, ч. 1. Санкт-Петербург, 1891, с. 378.

⁷ А. Прохараў. Вітаўт. – Беларуская міфалогія: Энцыклапедычны слоўнік. Мінск, 2004, с. 85.

⁸ Ігар Вуглік. Імя – міф – этнакультурны сімвал. – Национально-культурный компонент в тексте и в языке: Материалы II Международной научной конференции 7–9 апреля 1999 г., в трех частях, ч. 1. Минск, 1999, с. 96.

⁹ Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, вып. 22. Витебск, 1891, с. 459; Менскія акты, вып. 1. – Беларускі архіў. Менск, 1931, с. 120.

¹⁰ Акты, издаваемые Виленской Археографической комиссией для разбора древних актов, т. XXXI. Вильня, 1906, с. 290, 291.

¹¹ Менскія акты, вып. 1. – Беларускі архіў. Менск, 1931, с. 120; см. об этих названиях также: Эдвард Зайкоўскі. Беларусы ведалі сваіх герояў. – Спадчына, 1995, № 2, с. 196–197.

* *Витовт* на белорусских землях мог ассоциироваться со *Световитом*, который, согласно представлениям белорусов, олицетворял Солнце, считался самым главным богом (см.: Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча, т. 4. Мінск, с. 388; ср. также мнение: В. Чаропка. Імя ў летапісе. Мінск, 1994, с. 265–266).

- ¹² П. М. Шпилевский. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю. Минск, 2004, с. 162.
- ¹³ Юрка Віцьбіч. Плыве з-пад сьвятое гары Нёман. Мінск, 1995, с. 26–27.
- ¹⁴ E. Tyszkiewicz. Opisanie powiatu Borysowskiego pod względem statystycznym, geognostycznym, historycznym, gospodarczym, przemysłowo-handlowym i lekarskim. Wilno, 1847, с. 38.
- ¹⁵ Г. Х. Татуръ. Очерк археологических памятников на пространстве Минской губернии и ее археологическое значение. Минск, 1892, с. 202–204.
- ¹⁶ Живописная Россия: Полное географическое описание нашего отечества, т. III. Санкт-Петербург–Москва, 1882, с. 247–248.
- ¹⁷ Г. Х. Татуръ. Там же.
- ¹⁸ Ю. Віцьбіч. Там же, с. 25–26.
- ¹⁹ Г. Х. Татуръ. Там же.
- ²⁰ E. Tyszkiewicz. Там же.
- ²¹ П. Шпилевский. Там же, с. 214.
- ²² E. Tyszkiewicz. Там же, с. 57.
- ²³ Л. У. Дучыц. Археалагічныя помнікі ў назвах, вераваннях і паданнях беларусаў. Мінск, 1993, с. 52.
- ²⁴ Ю. Юркенас. Основы балтийской и славянской антропонимики. Вильнюс, 2003, с. 28–31.

KUNIGAİKŠČIO VYTAUTO DIDŽIOJO PAVEIKSLAS BALTARUSIŲ LIAUDIES KULTŪROJE

JULIJA GURSKAJA

Santrauka

Straipsnio autorė, remdamasi baltarusių folkloru, tiria Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kunigaikščio vardo *Vytautas Didysis* mitologizavimo ir semantinių pakeitimų mechanizmus. Analizė rodo, kad vardas akumuluoja etnosui reikšmingą, įtrauktą į įvairius semantinius kultūros kodus informaciją ir funkcionuoja kaip glaustas tautinės kultūros tekstas.

Tyrimas atskleidžia, kad kunigaikščio *Vytauto* paveikslas, rekonstruotas pagal baltarusių vietovardžius ir tautosakos tekstus, susijęs su liaudies kultūros skleidėjų vertybių sistema ir sudaro svarbų baltarusių liaudies pasaulėvaizdžio fragmentą.

THE IMAGE OF VITOVT THE GREAT IN THE BELORUSSIAN FOLK CULTURE

JULIA GURSKAYA

Summary

The author of the article investigates mechanisms of mythologization and semantical transformations taking place in the Belorussian folklore texts centered upon the key name of the Grand Duchy of Lithuania, the duke *Vitovt the Great*. According to the results of analysis, the name accumulates significant ethnic information, is incorporated into various semantic cultural codes, thus functioning as a concise national cultural text.

The image of the duke *Vitovt the Great* is reconstructed according to the folklore materials and place-names. Having been related to the worldview and the system of values cherished by the bearers of folk culture, it thus constitutes an important fragment of the Belorussian folk image of the world.

Gauta 2005-10-12